

Александр Александров

ГРАНИ РЕАЛИЙ

НА НОТКАХ ФАНТАСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Александр Александров

**Грани реаний. На нотках
фантастического реализма**

«Издательские решения»

Александров А.

Грани реалий. На нотках фантастического реализма /
А. Александров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901740-6

Дорогой читатель, данный литературный труд — это попытка бросить вызов героям различных комиксов в оригинальности. Суперспособности моих персонажей опираются на талант и интеллект. Приведу пример некоторых из них: два брата — один хорошо вычисляет в уме, другой управляет вероятностями событий; киллер, устраняющий своих жертв эффектом бабочки; глухой скрипач, ощущающий тонкие вибрации и разрушающий всё резонансом звука, и т. д. Я также старался сделать фантастику похожей на реальность.

ISBN 978-5-44-901740-6

© Александров А.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Архитектор	7
Судьба	12
Ричи Райт	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Грани реалий На нотках фантастического реализма

Александр Александров

Посвящаю всем необычным людям

© Александр Александров, 2017

ISBN 978-5-4490-1740-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Дорогой читатель, этот литературный труд является отпечатком совокупности динамических тенденций психического аппарата человека, который борется с самим собой каждый день.

Все персонажи данной книги – плод богатого воображения автора. Они сильны и непослушны. Каждый герой в той или иной мере противостоит сложившимся укладам рудиментарной статики положения вещей окружающей его действительности.

Создавая архитектуру пространства и давая своим героям преимущества перед остальными, я с гордостью могу заявить, что мне удалось наделить их оригинальностью, и, может быть, моих персонажей местами можно ставить выше героев, Вселенной – MARVEL – в плане неординарных способностей.

Это первая книга, в которой вся сила главных героев рассказов опирается на талант и интеллект. Некоторые из них расплачиваются жизнью за свои умения. Я, как человек, увлекающийся наукой, старался, чтобы всё было хотя бы немного согласовано с законами природы. Тем не менее всё, что написано в этой книге, – фантастика.

Я писал в жанре, которому дал название «фантастический реализм».

Добро пожаловать!

Архитектор

Массы никогда не знали жажды истины. Они требуют иллюзий, без которых они не могут жить.
Зигмунд Фрейд

В зале суда стояла полная тишина, когда обвиняемый собирался выступить с последним словом в свою защиту после вынесения приговора о смертной казни за убийство первой степени.

Подсудимым был известный всему штату Массачусетс психоаналитик Джеймс Роулинс...

– Уважаемые дамы и господа, я всю свою сознательную жизнь был предан делу, которое до этого момента считал исполнением долга перед гражданами нашей великой страны.

Мой путь к истине пытались оборвать критики, пестрые разговоры которых разоблачают их принадлежность к простым обывателям, не желающим слушать о себе ничего, что говорится в негативном ключе. Помимо них бизнесмены и различные писатели, кому мои научные труды могли сократить прибыль. Еще добавлю псевдопсихологов, которые не погружаются с головой в суть дела, а предпочитают довольствоваться лишь поверхностными знаниями, и различных людей из средств массовой информации, формирующих общественное мнение и зарабатывающих на скандалах.

Эта единственная оплошность с пациенткой Лизой Миллер послужила им возможностью избавиться от меня. Я признаю, что допустил ошибку, используя мой метод гипноза и архитектурной символики бессознательных образов в сновидениях на человеке, который был не готов к этому, и мне очень жаль, что она умерла, так и не выйдя из состояния гипнотического сна, но вспомните, какому количеству человек я помог до нее. Может быть, мой метод лечения еще не доведен до совершенства, но он работает.

Убив меня, вы отодвинете развитие человеческих познаний в понимании человеческой природы поведения на несколько десятков лет... (Джеймс.)

В зале суда снова повисла десятисекундная тишина...

– Ваше последнее слово услышано (судья).

За этой фразой последовал завершающий судебный процесс удар молотка...

Полицейские не спеша вывели мистера Джеймса из зала суда, и вслед за этим его также стали покидать господа присяжные. Многие из них уходили с довольными лицами, так как относились к тем людям, кто в силу своих личных корыстных интересов напрямую способствовал тому, чтобы суд вынес именно такой приговор.

Газеты сияли заголовками – «Наконец-то творцу снов обеспечат сон» или «Ученый психопат уходит от нас».

По телевизору новости круглые сутки говорили о мистере Джеймсе, демонстрировали соцопросы с данными, где 99,8% опрошенных выражали одобрение относительно приговора, который суд вынес ему.

Казалось, будто каждый первый житель штата хочет его смерти, но среди огромного количества недоброжелателей находились и те очень немногие, кто поддерживал ученого. В основном это были люди, кого мистер Джеймс избавил от ужасных заболеваний «душевного» аппарата своим методом, в то время как остальные психологи и психиатры советовали ложиться в клиники, потому что сами были бессильны.

Среди этих людей была молодая журналистка Кэтрин Трейси, которая еще два года назад заикалась и падала в припадки, без остановки крича: «Это не я. Это не я!». Ее недуг канул в лету благодаря мистери Джеймсу. Зная судьбу своего спасителя, она посчитала для себя долгом донести его последние слова до людей.

Кэтрин работала в газете Boston News, вела колонку под названием Conversation with human, где брала интервью у различных неординарных персон. Она знала, что ей придется преодолеть немало трудностей на пути к предсмертному разговору с доктором Джеймсом, но поклялась себе во что бы то ни стало вынести диалог с ним за пределы четырех стен и донести его до своих читателей через колонку в газете. Кэтрин так же понимала, что у нее есть всего семьдесят два часа для того, чтобы добраться до узника. Ее слегка волновало и то, что мистер Джеймс откажется с ней говорить, ведь он славился как чужак-одиночка, избегающий общества.

Следующим утром Кэтрин обратилась в соответствующий департамент с прошением организовать предсмертную встречу с вышеупомянутым заключенным, объясняя мотив своей профессиональной деятельностью.

Благодаря своему старому другу Бобу, работавшему в этом департаменте, ее прошение рассмотрели в ускоренном темпе, и уже вечером оно было одобрено. Кэтрин оставалось только подобрать грамотные вопросы и подготовиться к разговору морально, ведь нелегко смотреть в глаза человеку, которому скоро предстоит умереть...

25 апреля 2001 года. Она, сдерживая слезы, достает диктофон, он, спокойный, находясь по ту сторону решетки, со стаканом воды в руках, готовится дать свое последнее интервью...

Кэтрин: Мистер Джеймс, не знаю, будете ли вы со мной говорить, но я здесь, потому что вы однажды помогли мне. Я не из тех журналистов, кто...

Джеймс (перебивает): Я помню вас, Кэтрин. Многие представители вашей профессии считают и выставляют меня сумасшедшим одиночкой, бегущим от общества, но я не такой. Совсем не такой...

Вздых...

Джеймс (продолжает): В 1997 году я уже давал одно интервью Лари Кингу, в котором упомянул, что человек – удивительное существо, готовое прыгать из одной придуманной иллюзии в другую, лишь бы не признавать свою животную природу. Эти слова не стерпела общественность, а у меня появилась куча врагов. Церковные фанатики обещали убить меня, а остальные слои населения тыкали пальцем на улице и осуждали меня как нетолерантного эксцентричного человека, не уважающего чужое мнение. Больше я интервью не давал. Журналистам лишь бы внимание привлечь, куда уж им до истины, которая не обещает всей Вселенной ее владельцу, но всё же не менее интересна, чем все эти сказки про йогу, чакры и прочее величие человека...

Кэтрин: Но ведь много ученых сталкиваются с этой проблемой, они продолжают заниматься наукой и получать гранты, а вы, насколько мне известно, покинули университет в двухтысячном году и стали проводить эксперименты у себя на дому с живыми людьми.

Зачем вы сделали этот шаг? Ведь именно он заставил всех вокруг думать, что вы сумасшедший, а из-за него ваши работы больше не рассматривались научными кругами всерьез.

Джеймс: В научных кругах меня всегда недолюбливали, потому что мои работы указывали на несоответствие действительности работ псевдовеликих современных психологов, наживших славу на громких заявлениях, авторитет которых почему-то нерушим! В университете надо мной посмеивались, а это мешало мне заниматься настоящей наукой.

Кэтрин: Мистер Джеймс, у меня есть вопрос относительно вашего метода лечения «душевного» аппарата. Вы ответите на него?

Джеймс: А что я теряю? Давайте.

Кэтрин: Вы, когда лечите пациента, вводите его в состояние глубокого сна, которое называете «предкомой». После этого провоцируете сновидение, где выстраиваете комнаты, наполненные различными вещами и предметами, являющимися символами, за которыми скрываются причины недугов, а на заключительном этапе сеанса работаете голосом в сновидении.

дении, который помогает человеку выбраться из комнат уже без недуга. Почему именно комнаты, мистер Джеймс?

Джеймс: Ну, во-первых, я работаю лишь голосом извне. Люди сами выстраивают эти помещения, наполненные символической. Моя же задача – помогать расшифровывать им всё, что окружает их там, в сновидении. Ведь за каждым предметом, который появляется в этих комнатах, скрываются реальные события, за одними приятные, за другими не очень. Так, под бьющейся об потолок вешалкой может скрываться ситуация, когда пациента в детстве один из родителей избил этим предметом. Находящийся у меня на приеме уже давно забыл об этом, а в подсознании остался осадок, который, являясь причиной невроза, до сих пор не дает покоя ему...

Джеймс (продолжает): Я думаю, что вы, как человек, который проходил у меня лечение, знаете, что обычно я прошу людей описывать только те вещи в комнатах, которые ведут себя аномально, например: кофты, летающие под потолком, стулья, пляшущие в углах, всё то, что не подчиняется причинам и следствиям. Именно за этими вещами и предметами скрыты недуги. Расшифровка нужна для того, чтобы вытащить в сознание давно забытый конфликт, и человек, который вспоминает его, воспринимает давно забытую ситуацию, отпечатавшуюся в его подсознании, на новом уровне. После этого болезнь исчезает.

Кэтрин: Но почему именно комнаты?

Джеймс: Это долго объяснять, просто каждый из нас, рождаясь один раз, всю оставшуюся жизнь стремится к удовольствию и покою, так заложено в психическом аппарате. Этот покой он обретает, когда уходит из жизни. Это тот покой, который был обеспечен всем нам, когда мы находились в утробе матери. Именно об этом покое мечтают все.

Кэтрин: Хм...

Джеймс: Вы не задавались вопросом, почему человек, когда спит, сворачивается в клубочек?

Кэтрин: Как эмбрион в утробе...

Джеймс: Да, Кэтрин, именно так...

Кэтрин: А комнаты?

Джеймс: В том состоянии, до которого я научился доводить людей гипнозом...

Кэтрин (перебивает): «Предкома»?

Джеймс: Да, «предкома». Оно очень схоже с внутриутробным состоянием, потому что я отключаю пациенту все органы чувств, кроме слуха, для того чтобы быть для него голосом в сновидении и вести диалог. Так мы побеждаем одного врага – «принцип покоя». Остается только «принцип удовольствия».

Кэтрин: Принцип удовольствия?

Джеймс: Да, Кэтрин. Психический аппарат человека на протяжении всей своей жизни стремится снимать напряжения и получать удовольствие. И первое напряжение возникает при рождении человека. Родиться – значит получить настоящий стресс...

Кэтрин: И потом на протяжении всей своей жизни человек мучается, а его психический аппарат пытается избавиться от полученного при рождении напряжения?

Джеймс: Кто-то мучается, а кто-то нет, но каждый из них стремится вернуться в то состояние покоя, которого его лишили. И принцип удовольствия – это не просто совокупность лени со стремлением к разрушающим зависимостям и тенденциям. Это настоящий инструмент, который позволяет каждому из нас не соглашаться с реалиями этого мира. Получать удовольствия и избегать раздражений – это прописано в генетическом коде каждого человека.

Кэтрин: Джеймс, не могли бы вы привести пример, где можно было бы выделить стремления психического аппарата избегать напряжений и получать удовольствия, чтобы я могла отличить его от обычной лени.

Джеймс: Хорошо. Представьте себе, что молодой человек ждет выхода в прокат видеокассеты с фильмом, от которого он ожидает получить настоящую бурю эмоций, а фильм не оправдывает его завышенных ожиданий. Тогда человек, чтобы не получить напряжение, после просмотра начинает занижать планку: он придумывает различные оправдания неудачам, начинает искать плюсы, хотя нет, он начинает выискивать плюсы! И когда он выдумает их себе, то получит порцию удовольствия и успокоится. Это только один из многочисленных примеров того, как работает этот принцип. А еще он является причиной, из-за которой меня завтра казнят.

Кэтрин (бормочет, покачивая головой): Люди не хотят видеть своей природы, ведь они получают от этого напряжение, и им проще убить героя, который несет в мир истину...

Джеймс: Кэтрин, истина там, где нет выгоды никому. Даже тому, кто ее так старательно ищет...

Кэтрин: Подождите, я это запишу...

Джеймс: То, что я вам сейчас рассказал, давно известно узким кругам. Был такой знаменитый ученый – Фрейд. Этот принцип он описал. Ему повезло больше, чем мне, потому что его просто выставили идиотом, а меня убьют...

Кэтрин: Зигмунд Фрейд?

Джеймс: Да. Вы, как моя пациентка, знаете, что я лечу не всех, а помогаю только тем людям, которые готовы принять свое истинное обличье. Когда я ввожу пациента в состояние «предкомы», а сновидение начинает выстраивать целые дома из комнат, то по мере продвижения пациента по ним, благодаря нашей беседе, его честным ответам на мои вопросы и моим расшифровкам, он продвигается из комнаты в комнату, вспоминая старые ситуации и отпуская их. Затем, разобравшись с проблемами, он открывает последнюю дверь и выходит из состояния гипнотической «предкомы» здоровым и счастливым. Но...

Кэтрин: Что?

Джеймс: Отвечать на пикантные вопросы честно – значит получать напряжение. А ведь этого так не терпит человеческая натура! Если во время сеанса вы будете говорить неправду, то я не смогу расшифровывать, что скрыто за аномальными вещами в тех комнатах, а это значит, что вы, в свою очередь, не сможете вспомнить те или иные ситуации и не решите внутренние конфликты.

Главная проблема заключается в том, что сновидение вас не отпустит, пока вы не решите все эти конфликты. Оно будет выстраивать всё новые и новые комнаты. До тех пор, пока вы не впадете в настоящее состояние сна, где вам будет обеспечен тот покой, который вы могли испытывать только до своего рождения. Поскольку связь со мной в этом случае будет потеряна, вы можете остаться в «предкоме» до тех пор, пока не умрете. Так и произошло с пациенткой – Лизой Миллер.

Кэтрин (шепотом): О мой Бог...

Джеймс: Главная функция сновидения – оберегать сон. Оно в случае внешних или внутренних раздражителей предоставляет галлюциногенное удовлетворение, которое не дает человеку проснуться.

Например: во время сна маленькому ребенку захотелось в туалет. В этом случае может возникнуть сновидение, где будет показано, как тот идет по тропинке и видит кустик, на который может справить нужду, он, конечно же, поспешит сделать это в своем сновидении. Так маленький ребенок, сходя в туалет под себя, марает простынь, не просыпаясь.

Другой пример: человеку снится звон колоколов, а проснувшись, он обнаружил, что проспал, не услышав будильник. В этом случае будильник был раздражителем, а сновидение показало человеку звон колоколов, чтобы тот не проснулся.

Из-за того, что сновидения так хорошо справляются со своей работой – оберегать сон, мне очень трудно поддерживать диалог с человеком, который находится в «предкоме». Просто они очень легко выкидывают мой голос как внешний раздражитель...

Кэтрин: То, что вы мне сейчас рассказали, просто гениально...

Джеймс: Сновидения тоже не я описал, а Фрейд, просто он так не устраивал всех, что от него решили избавиться, оставив место для «ложных идолов».

Кэтрин: У нас осталось две минуты. Вы бы хотели что-нибудь еще донести до людей?

Джеймс: Кэтрин, еще недавно я демонстрировал научному кругу свою работу – книгу, ее название – «Очерк об 1101». В ней я описал механизмы, которые позволяют дополнить последним звеном цепочку знаний о психическом аппарате человека. Я довел труды Фрейда до конца! Благодаря этой книге заканчивается великий путь познания механизмов, управляющих психическим аппаратом человека. Из-за нее меня решили устранить. Это нужно для того, чтобы распиливать мои знания, смешать их с ложными познаниями и возвести новых псевдоавторитетов, из-за которых человечество до сих пор так и не познало себя! Один экземпляр закопан у меня во дворе. Вы знаете, где я живу. Найдите ее и заберите себе. Сохраните и передайте какому-нибудь самоучке, который день и ночь, не занимаясь самообманом, прокладывает себе путь к истине. Который готов признать ее главный принцип, что она находится там, где нет выгоды никому, даже тому, кто ее ищет!

В помещение заходит полицейский...

– Мэм, ваше свидание окончено, пожалуйста, покиньте помещение.

Кэтрин убрала блокнот с ручкой в сумочку, поднялась с места и не спеша направилась к выходу. Напоследок она, обернувшись, спросила: «Джеймс, как вы думаете, завтра вам будет больно?»

Джеймс (приподнял голову): Кэтрин, уверяю вас, я покину этот мир раньше завтрашнего приговора. У меня нет веревки и мыла, но ничего не мешает мне закрыть глаза и уйти в комнаты, открыв там себе двери в покой...

На следующее утро приговор так и не был приведен в исполнение в связи с преждевременной смертью мистера Джеймса.

Этим же днем газеты засияли пестрыми заголовками: «Злодей нашего времени ушел раньше времени», «Обрекший на смерть сам не решился встретить ее достойно».

И только в одной газете можно было встретить колонку, которую вела Кэтрин, с заголовком «*Ушел Джордано Бруно XXI века*».

Судьба

Математика – это язык, на котором написана книга природы.
Г. Галилей

Каждое мое утро начинается с таблетки анальгина и трех стопок виски!

Я живу на полную катушку, будто сегодняшний день последний, и такой образ жизни для меня стал чем-то обыденным и интересным после одного печального события, которое поделило мою жизнь на до и после в 1999 году.

Я работал профессором в Калифорнийском университете, преподавал высшую математику студентам и вел тихий, замкнутый образ жизни, который сотрясали рецидивирующие головные боли.

Первое время я не придавал этому особого значения, затем они стали усиливаться, а промежутки времени между рецидивами – сокращаться.

Это заставило меня в один из осенних дней обратиться в больницу и пройти обследование на выявления причины частых головных болей.

После длительного обследования мой лечащий врач, доктор Морис, который очень не любит такие моменты, собравшись с мыслями, спокойным голосом произнес: «У вас рак головного мозга». Затем добавил: «Мы ничего не сможем с этим поделать».

Задав пару-тройку вопросов доктору Морису, я понял, что гулять по этой прекрасной планете мне осталось недолго, два—три месяца. Он посоветовал мне подготовить семью к этому и не тратить оставшееся время впустую.

Семьи у меня не было, огромного круга друзей – тоже, может, это и к лучшему, раз не придется никого огорчать своим поспешным уходом...

Я не боялся смерти, но, оставаясь наедине с собой, замечал, насколько часто меня беспокоят такие вопросы, как: «А чего я добился?», «А жил ли я вообще по-настоящему?». Будни стали тянуться вяло, но быстро сменять друг друга, и я впал в депрессию...

Она оказалась недолгой, но самой сильной в моей жизни. Ее завершением послужило четкое решение прожить оставшиеся сорок, а может, и шестьдесят дней моей жизни так, чтобы компенсировать тридцать лет предыдущего серого существования.

Для начала я захотел сменить обстановку и заработать в очень короткие сроки достаточное количество денег, чтобы, сложив их с моими нынешними накоплениями, постараться перепробовать всё, что придет в голову.

Уволившись из университета, я переехал в Вашингтон. Там снял комнату в одной из квартир на окраине города.

В мои планы входило использовать простые уравнения математики для игры в покер и рулетку, чтобы поднимать куш, а затем тратить всё, кроме минимальной суммы для участия в каждой последующей игре!

И всё вроде бы должно было идти хорошо, но, к моему удивлению, предположение о том, что математика поможет мне в играх, разбилось о жадность в первый же день. Я начинал выигрывать благодаря формулам, а затем проигрывал, потому что не мог остановиться, когда это нужно было сделать. Так продолжалось раз за разом, пока у меня не осталось ни цента из моих накопленных сбережений. Вот оно – начало новой жизни в Вашингтоне. И, кстати, я не представился – меня зовут Ричард Майер...

После этого проигрыша началась моя вторая депрессия. Она продолжалась два дня, пока меня не посетила одна интересная мысль, а точнее, вопрос: «И неужели в мире, где всё можно описать уравнением, не может существовать такого, которое бы давало возможность предсказывать результаты любого исхода?».

После продолжительного раздумывания, оперирования вероятностями и элементами статистики меня посетила еще более глубокая мысль: «Ведь если буквы и знаки – это тоже единицы информации, может ли существовать такое уравнение, которое позволяет определять взаимосвязь между ними с течением времени?».

Короче говоря, я начал искать возможность существования формулы, которая давала бы ответы на все вопросы, при условии перевода букв в численные выражения и оперирования ими в качестве известных переменных одного большого уравнения.

Слава Богу, в соседней комнате от меня жила тетушка Молли, она подкармливала меня следующие шесть дней, пока я проверял возможность существования такой формулы.

Мой математический аппарат позволил мне доказать, что она существует. И я начал работать над составлением таблиц присвоения буквенным единицам – чисел. Знакам препинания было отведено место среди десятичных дробей. Затем я разработал систему, по которой я буду разделять получившийся ответ на члены запятыми, ведь в ответе должно было получаться большое число, в котором каждое слагаемое означало букву или знак препинания.

Закончив и с этим, я приступил к самой формуле. Первые сорок восемь страниц записей и подгона не дали никаких результатов, получалась спонтанность. Затем я понял, что не учел одну переменную. А именно: нужно было переводить в цифры и свои инициалы, иначе говоря, пояснять формуле, кто находится по ту сторону вопроса.

Переведя буквы своего имени, фамилии и отчества в числа, нужно было составить из них матрицу, градиент которой и являлся той недостающей переменной в формуле, занимающей далеко не последнее место по значимости.

Первыми положительными результатами были ответы на вопросы: «Как зовут мою мать?», «Какой город является столицей Соединенных Штатов Америки?». После перевода букв и знаков препинания в числа, расчета по формуле и разделения ответа на группы при помощи специальной системы получались ответы: «3 7 2 2», «8 9 21 3 21 2 9». После перевода чисел обратно в буквы – Lisa, Washington.

Я задавал еще много вопросов, на которые заранее знал правильные ответы, и всё сходилось!

Следующие два часа в моей голове снова и снова звучали одни и те же риторические вопросы: «Неужели я сделал это?», «Неужели я смог настроить ее?».

На мгновение мне показалось, что я достиг предела развития человечества в области математики. Ведь с помощью моего творения можно было узнать всё! Начиная с того, как появилась Вселенная, до таких мелочей, как счет футбольного матча.

Можно было узнать о любом событии за неделю, за месяц, за год до того, как оно произойдет. Стоит лишь перевести свои инициалы и вопрос с языка символов в числа, подставить их в формулу, с помощью специальной системы поделить ответ запятыми на члены и перевести его с языка чисел обратно в буквенный алфавит.

За мое открытие мне бы дали премию Филдса, у математиков она приравнивается к Нобелевской, но поскольку жить мне оставалось около четырех недель, я решил использовать результаты моей работы исключительно в своих целях.

С этих пор моя жизнь изменилась!

Приходя в казино или букмекерскую контору, я знал, на что или на кого мне поставить, чтобы выиграть деньги.

С такими знаниями богатство пришло ко мне очень быстро, а каждый день стал очередной сказкой со счастливым концом.

Часть выигранных денег я отдавал тетушке Молли на то, чтобы она оплачивала свой кредит и коммунальные услуги, ну, так сказать, в благодарность за то, что она кормила меня, пока я работал над формулой.

Гулянья были шикарными: девушки, клубы, пляжи, бары, рестораны, съемные лимузины. Спать часто возвращался в ставшую мне родной комнатку на окраине города. Болезнь, конечно, давала о себе знать, но я глушил головные боли стопками виски и анальгином. Чаще всего они тревожили по утрам и ближе к четырем часам дня.

Прогнозы лечащего врача не сбылись, шел четвертый месяц моего существования, и меня интересовал всего лишь один главный вопрос: «Когда же всё-таки мне предстоит умереть?».

Я долго не мог, но потом всё же решился задать вопрос своей формуле. Переведя его в числа и подставив их, я получил ответ. Переведя ответ с языка чисел на язык букв – ужаснулся...

Уже прошло три недели, как Ричард Майер перестал выходить из своей комнаты. Тетушка Молли, которая жила напротив, начала беспокоиться за него. Она вызвала полицию.

Полицейские, приехавшие на вызов, обратились к пожарным, чтобы те сломали входную дверь.

Когда мужчины вошли в квартиру, они увидели труп Ричарда. Он лежал около письменного стола, в его руке была сжата бумажка, на которой было написано: «Прямо сейчас».

США, Вашингтон, 2002 г.

Ричи Райт

*Музыка образует середину между мыслью и явлением.
Генрих Гейне*

С самого детства моя любовь была прикована ко всему, что издает звук! Мама рассказывала, что до четырех лет я играл только погремушками, а в пять мне подарили ксилофон, который я не выпускал из рук, даже когда спал.

Мой дом располагается на побережье острова под названием Лисажу. Несмотря на то, что остров небольшой и инфраструктура в округе не очень развита, там есть всё, что нужно: школы, небольшой общепит, природа, библиотека, университет, даже консерватория, которую я как раз и окончил. Я часто любил заглядывать туда еще до того, как меня объявили в международный розыск. Но об этом чуть позже...

Когда мне было четырнадцать, я почти полностью потерял слух.

Дело в том, что меня оглушила петарда, которая взорвалась, пролетая около моей головы. Тогда на острове проходили митинги против очередного произвола одного богатого человека, который хотел вырубить половину леса на нашем острове и построить на этом месте, около скал, четыре небоскреба своей компании. Он купил наших властей, чтобы те закрывали глаза на все нарушения, и поэтому отпор ему давали только местные жители.

Борьба была очень жестокой. Стычки местных и полицейских напоминали ожесточенную бойню.

Как-то раз, возвращаясь из школы, я случайно наткнулся на одну из таких стычек. Кажется, в ней участвовало около двухсот человек. Я решил перейти на противоположную сторону улицы, а потом, кроме писка в ушах, почти ничего не помню. Позже доктор в больнице сказал моей матери, что у меня повреждены барабанные перепонки и мой слух, к сожалению, вернуть уже не получится.

Из-за этой проблемы мне пришлось оставить школу, в том числе и музыкальную. С этого момента со мной занимался уроками только мой старший брат Луис. Меня никогда не тянуло ни к математике, ни к физике, ни к одной из других точных наук. Мне больше нравились гуманитарные предметы. Я любил рисовать и особенно музыку. Луис видел мою тоску без нее, и однажды он накопил денег и подарил мне на Новый год скрипку. С этого-то все и началось...

Я долго смотрел на нее и в один прекрасный момент принял решение любой ценой освоить этот музыкальный инструмент.

К этому времени я уже умел читать по губам. А еще из-за потери слуха у меня повысилась внимательность, да к тому же еще и осязание. В это же время я стал чаще замечать, что все предметы вокруг вибрируют.

Всё дошло до того, что я мог дотронуться до колонки, из которой играла музыка, и по вибрациям узнать знакомую мелодию.

Именно этот принцип был заложен в основу моего обучения игре на скрипке. В моей памяти сохранились работы многих композиторов. Я знал ноты и помнил тональность звуков различных октав, да еще к этому внутренний голос кричал, что у меня всё получится.

Прошло около пяти месяцев, прежде чем мое упорство было вознаграждено. Я смог воспроизвести знакомую мне композицию известного композитора Niccolò Paganini. Радовалась вся семья.

Спустя еще полгода я уже мог смотреть на ноты, воспроизводить в своей голове композицию и затем играть ее на скрипке. Как-то раз мне довелось дать пару выступлений на улице, и люди, знавшие, что я глухой, аплодировали в два раза сильнее.

После моего домашнего обучения я сдал экзамены и, окончив школу, поступил в консерваторию. Обучение шло успешно; окончив первый курс, я без проблем перешел на второй, затем на третий. Конечно, были иногда небольшие проблемы с учебой, но это пустяк, и связаны они были только с тем, что я был глухим.

Как-то раз я посмотрел передачу, где музыканты одной известной рок-группы разбивают посуду при помощи акустических колебаний. Меня зацепил этот эксперимент, и я с нетерпением захотел повторить его сам.

Мой старший брат к этому времени окончил университет и работал инженером. Я попросил его объяснить мне явление, которое заставляет стакан или тарелку разлетаться на куски, когда рядом играет электрогитара. Тогда Луис рассказал мне про одно физическое явление, которое называется резонансом.

Если говорить простыми словами, это объясняется тем, что все предметы вокруг вибрируют с определенной частотой, попадая в эту частоту, ты усиливаешь вибрацию предмета, спустя какое-то время предмет не выдерживает резонанса и его структура разрушается. Так, например: если тихонько постукивать молоточком по кирпичной стене и попасть в резонанс, можно ее разрушить, не применяя грубую силу.

Освоив теоретическую часть этого физического явления, я сразу же перешел к практике и, если честно, очень сильно удивился, когда у меня получилось повторить это с первого раза.

Домашней посудой я дорожил, поэтому сбегал в магазин и купил набор дешевых бокалов. Открываю упаковку, достаю первый, ставлю на стол, провожу смычком по струне, касаюсь бокала мизинцем, чувствую, как он сильно вибрирует, провожу еще раз – бокал разбивается. Достаю второй, третий, четвертый...

Разбив последний, я с улыбкой на лице пошел за веником. У моего внутреннего голоса заело пластинку, и он снова и снова произносил одну и ту же фразу: «Вот она, нотка ля». За свое новое увлечение в консерватории я получил кличку Ричи Резонанс.

Однажды, выступая на улице, я показывал зевакам воздействие резонанса на стеклянные бутылки, один из них крикнул мне: «А кирпич сможешь сломать?» И тут меня будто бы ошпарило кипятком. Спешно закончив свое выступление, я отправился экспериментировать.

Я два часа играл перед кирпичом на разных нотах, но так и не смог разрушить его структуру, он лишь начинал сильнее вибрировать. Переключился на лист шифера – тот треснул и развалился, а вот с кирпичом у меня так и не получилось, хотя потратил на это уйму времени.

В 1999 году я окончил консерваторию, но работать с оркестром у меня не получалось из-за моей проблемы со слухом. К тому времени слава о глухом человеке, который разбивает предметы звуком, разошлась по всему острову и даже вышла за его пределы, поэтому, чтобы зарабатывать деньги, я стал давать сольные выступления. Помню, как в конце каждого из них я обязательно что-нибудь разбивал резонансом. Зрители особенно сильно аплодировали, свистели и кричали: «Ричи Райт!», когда я резонансом разбивал перед собой аквариум, наполненный тысячей литров воды, которая при этом выливалась на меня. Это выглядело очень эффектно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.